

Веб-журнал "Европейская Афиша" №9 29/09/2012– www.afficha.info

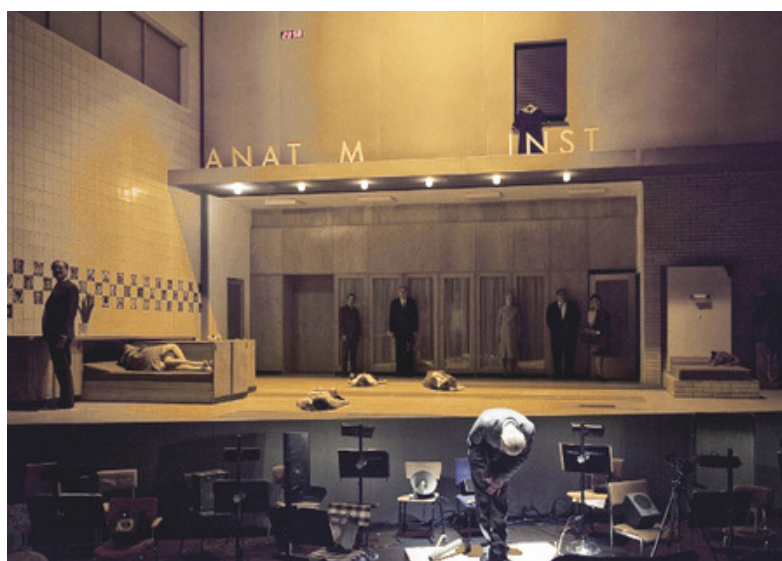
Случай из европейской хроники от Кристофа Марталера.

Екатерина Богопольская

Спектакль знаменитого немецко-швейцарского режиссера Кристофа Марталера опять, как и в прошлом сезоне, включен в программу парижского Осеннего фестиваля (festival d'Automne). На этот раз гастроли проходят в Одеоне и вписываются в немецкоязычный репертуар, предложенный новым художественным руководителем театра Европы Люком Бонди.

Пьеса австрийского драматурга Эдена фон Хорвата (1901-1938) «Вера, надежда, любовь» была поставлена Марталером в июне специально для Венского фестиваля искусств, которым руководит тот же Бонди.

Действие пьесы, написанной в Берлине в 1932 году, происходит в разгар экономического кризиса в Германии, но странным образом перекликается с сегодняшней Европой. И режиссер этого сходства не скрывает: «Тогда, как и сейчас,- говорит Кристоф Марталер, - существовала огромная разница между богатыми и бедными».

Трагическая история главной героини, Элизабет, пытавшейся изо всех сил противостоять окружающей безысходности, тогда как все ведет ее к гибели, читается как предчувствие трагической судьбы самого драматурга. С приходом к власти Гитлера в 1933 его романы сжигаются, пьесы запрещены к постановке. Хорват уезжает в Вену. В 1938 после аншлюса Австрии драматург скитается по разным городам Европы. Спустя несколько месяцев он погибнет в Париже на Елисейских полях под случайно упавшим во время грозы деревом, выходя с просмотра диснеевской «Белоснежки».

Подобно Достоевскому, бравшему для своих романов происшествия из уголовной хроники, Хорват тоже взял такой случай, подброшенный ему репортером криминальной рубрики Лукасом Кристлем: в разговоре с драматургом тот советовал, что кино и театр в основном интересуются громкими преступлениями, и почти никогда мелкими повседневными происшествиями. Подобно Достоевскому, Хорват тоже возводит факт из уголовной хроники до трагедии.

Анна Фиброк, постоянный сценограф Марталера, выстроила почти гиперреалистическую декорацию. Под лампами резкого дневного света - застекленный подъезд учреждения безликой городской архитектуры 70-х. Над окном у одного из этажей висит трогательное женское платье. С другой стороны стены электронные часы показывают 7.50. (Спектакль идет в режиме реального времени, так что ближе к финалу на часах 11 с чем-то).

Звучит музыка похоронного марша Шопена. Потом на сцене появляется рабочий, и, прислонив к фасаду деревянную лестницу, пытается вставить недостающие буквы вывески. Но под его весом лестница ломается, он успеет соскочить вниз, а вот вывеска так и останется калеккой без недостающих букв. Так задается тон всему спектаклю: как всегда у Марталера, трагедия соседствует с бурлеском.

История Элизабет, мающейся в поисках заработка, начинается с того, что она пытается продать анатомическому театру свое тело, для использования после смерти, а заканчивается самоубийством героини. Не случайно Хорват дал своей пьесе подзаголовок – танец смерти. Здесь танца в прямом смысле слова нет, правда, есть маленький любовный балет между Элизабет и влюбленным в нее полицейским, сделанный в замедленном ритме, наподобие съемки рапидом.

Как известно, Марталер любую историю рассказывает очень своеобразным сценическим языком. Спектакль обладает всеми приметами его фирменного стиля: повышенная музыкальность, труппа актеров-музыкантов-певцов, черный ернический юмор и невыносимая протяженность сценического высказывания - короткая пьеса растянута почти до трех с половиной часов. Хотя здесь, в отличие от предыдущих сценических созданий Марталера, затянутость все-таки сценически оправдана. Замедленное действие добавляет в трагическом ощущении безысходности, люди не знают как жить дальше, и время тоже как бы останавливается.

Актеры Марталера поют, как всегда, изумительно. Но здесь есть еще и ернический оркестр - в оркестровой яме на месте музыкантов на стульях расположились

громкоговорители, ими и управляет с преувеличенным старанием отвязный дирижер. Причем звук от громкоговорителей, в самом деле, следует *crescendo* и *diminuendo* дирижерской палочки. Дирижер, он же потом вдохновенно импровизирующий на фортепиано тапер, он же ироничный комментатор действия - блистательный актер марталеровской труппы Клеменс Сенкнехт (Clemens Sienknecht). «Вера, надежда, любовь» - спектакль музыкальный по преимуществу не только потому, что для меня нет театра без музыки, но потому также, что язык пьесы Хорвата сам по себе очень музыкален, чистая музыка», - говорит режиссер.

Марталер придумал нечто вроде оперы-инсталляции - поражает абсолютная внутренняя свобода существования актеров внутри череды эпизодов, пунктирно связанных судьбой главной героини и музыкальными хорами персонажей. Это хоральная драма - в том смысле, что все чувства персонажей выражаются пением в хоре. Впрочем, поют не только на темы драмы Хорвата - есть, также уморительно смешная преамбула, в которой комментатор и хор рассказывают о только что закончившемся не то конгрессе, не то ярмарке для девиц, и к тексту «Веры, надежды, любви» прямого отношения не имеющего. Зато имеющее самое прямое к марталеровскому представлению о современном мире. Главный меланхолик европейского театра, кажется уже переигравший на сцене все регистры этого чувства, здесь в основном склонен к черной меланхолии. Безнадежно печальный спектакль, но не лишенный ернической насмешки. Гротескный образ мира, где все мужчины - толстые, старые, отвратительные эгоисты, а женщины - прекрасные, самоотверженные, чистые и идеальные жертвы мужской системы. Или еще откровенные клоунессы, глупые куклы, как владелица магазинов Ирен Прантель в исполнении Беттины Стюки. Забавные, нелепые, растерянные европейцы спектаклей Марталера превратились в тупых, злобных, скучных монстров, по преимуществу отталкивающих.

Элизабет - трогательная скромная девушка в разгар кризиса пытается найти любовь, не потерять веру в справедливость и надежду на лучшее будущее. Но есть общество безразличных и жестоких людей, тоже по-своему несчастных, которые, каждый на свой манер, подтолкнул ее к бездне. Элизабет работает как агент по продаже женского белья, но без лицензии, ее останавливает полиция, и требует выплаты штрафа. Чтобы выплатить его, она и хочет продать свой труп. Сотрудник патологоанатомического института все же одалживает ей нужную сумму, приняв ее за дочь инспектора финансов. А когда узнает, что отец девушки всего лишь страховой инспектор, подает на нее жалобу в полицию за мошенничество. Другой почтенный нотабль, судья, несмотря на все смягчающие обстоятельства, приговаривает ее к тюремному заключению без отсрочек. Наконец, третий, полицейский чин, разрушает ее личную жизнь, внушая ее возлюбленному, что она девица с криминальным прошлым, и тот, опасаясь за свою карьеру, бросает Элизабет. Отчаявшаяся девушка, к тому же лишенная каких бы то ни было средств к существованию, пытается утопиться. Ее вытаскивают из ледяной воды, но она все-таки умирает.

Элизабет здесь две, эту роль одновременно исполняют Саша Рау и Оливия Григолли. Но речь у Марталера идет не о раздвоении персонажа на разные ипостаси, а скорее об универсальности ее драмы. Не одна, но множество Элизабет - подруги, сестры, или просто незнакомки из одного поколения. В обеих исполнительницах есть и душевная хрупкость, и желание во что бы то ни стало выжить. Две Элизабеты - как повторение одной музыкальной темы, но на разных инструментах. Одна старше, вторая чуть моложе. Многие сцены играют симультанно или поочередно обеими актрисами. В эпизоде с возлюбленным полицейским по имени Альфонс одна Элизабет объясняется в любви с немолодым и не слишком привлекательным работягой, вторая ту же сцену проводит в постели с юным страстным красавчиком. Но обе заканчивают одинаково - в ледяной воде. В последнем эпизоде выносят на сцену сначала одну утопленницу, потом другую, потом

третью, и четвертую и пятую: создается ощущение, что вся сцена завалена трупами девушек, подобно Элизабет раздавленным безразличием общества. «Вечная Сонечка», если использовать определение Достоевского.

Две Элизабеты – Саша Рау и Оливия Григолли

Но заканчивается спектакль не на этой трагической ноте, а очень смешной вставкой от автора спектакля: «От этой истории становится так невыносимо грустно, что ничего не остается, как спастись юмором», - оправдывался Марталер в интервью французским журналистам.

Несмотря на затянутость, очевидно, что «Вера, надежда, любовь» - из лучших созданий режиссера последних лет, и долго еще после окончания спектакля не отпускает образ механического оркестра громкоговорителей под управлением сумасшедшего дирижера. Неужто это и есть все, что осталось по Марталеру от старой Европы?

Crédit photos : Odéon-Théâtre de l'Europe.